

вместе с детьми – двенадцатилетним Николаем, восьмилетней Леной, шестилетним Володей и Виктором пяти лет от роду.

Цепкая детская память зафиксировала быт и бытие заключённых, обитавших подле фельдшерской семьи, ближайшие из зеков жили за стенкой здравпункта. С ними малыш Витя сталкивался каждодневно, ежечасно. Поразительно, но от них он не слышал ни одного не то что бранного – даже грубого слова. Виктор Иванович вспоминает, как его маме, ходившей в одиночку в Квасниковку, её подруга-железнодорожница удивлялась: «Катя, как ты не боишься, тут же кругом зеки», на что Екатерина Трофимовна отвечала: «Ну и что, они тоже люди». Удивительно, но зону не огораживали колючей проволокой, не стояли на вышках часовые... Хотя, с другой стороны, куда бежать было узникам, если вся страна оказалась одним огромным лагерем, а главные преступники сидели в Кремле?

«В основном там были политические заключённые», – объясняет этот феномен Виктор Иванович, а я дополняю его предположение фактом: среди тех заключённых был мой дальний родственник Павел Бабенко, раскулаченный в 1930 году крестьянин села Савинка Палласовского кантона АССР немцев Поволжья (ныне – Волгоградская область). Он не выдержал изнурительного труда и вскоре умер (хоронили заключённых на Квасниковском кладбище).

«Скорее всего, скончался от малярии, – рассуждает Виктор Иванович. – Многие умирали от той напасти. Во круг вода, комарья много было. А содержались заключённые в хороших условиях, кормили их неплохо, столовая была в бараке на станции Сазанка». Это Виктор Иванович помнит хорошо, потому что вся работа отца по «облечиванию спецконтингента» происходила на его глазах. Отец, кроме привычных фельдшерских дел – перевязать пораненный палец пациенту, дать таблетку от температуры и т.п., проверял также санитарное состояние жилых домов, столовой, заливал хлоркой отхожие места. Летом производил санобработку жилых помещений. В самую жару из домов выносили на улицу все кровати, ночевали под открытым небом, укрываясь от комаров пологам. В это время дома наглухо законопачивали, закрывая все щели, и фельдшер со своими помощниками из числа заключённых распылял в домах ядовитое ве-

щество – травили клопов и прочих насекомых. В обязанности фельдшера входил также контроль за качеством приготовляемой пищи в столовой (кормили там неплохо, хотя запомнился Виктору Ивановичу такой факт: фельдшеру стало известно, что заключённые поймали собаку и хотели её съесть, начальство потребовало дать отчёт, и Иван Павлович принял такое соломоново решение: «Собака здорова, ничем не болеет, если хотят – пусть едят»).

Иногда столовая преображалась в... театральный зал: заключённые ставили спектакли силами своей художественной самодеятельности. Виктору Ивановичу запомнились спектакли – гоголевский «Вий», чеховский «Медведь».

Естественно, часы досуга выпадали редко. Весь световой день заключённые трудились на возведении дамбы. И не только они, но и вольнонаёмные владельцы лошадей. Жили они в посёлке, который и ныне зовётся Транспортом (оттого, что там располагалась мясокомбинатская конюшня, возглавлял её в 1930-е годы Иосиф Хаимович Гринберг, отец известного строителя, начальника СМУ-16). Грунт брали в основном на левом берегу Волги из карьера по береговому урезу реки Волга на участке от строящейся дамбы до села Квасниковка. «На строительстве дамбы массовыми профессиями были землекопы, тачковозы, возчики-грабары, – рассказывает Иван Андреевич Акимов, ветеран завода «Сигнал», – землю подвозили несколько сотен однолошадных грабарок (грабарка – повозка, запряжённая одной лошадейю)». Иван Андреевич вспоминает, как он и его друзья-мальчишки в 1942 году, через семь лет после пуска в эксплуатацию моста, играли на заброшенной узкоколейке, оставшейся от строителей: от «карьера» в начале 1930-х годов проложили железнодорожное полотно – узкоколейку – и подвозили землю в вагонетках, высыпали её, затем наступала очередь скреперистов. В скрепер – устройство наподобие плуга, только вместо лемеха – совок, как нож у современного бульдозера, естественно, поменьше, – впрягали пару лошадей, они тянули, а скреперист, ухватившись за ручки этого устройства «малой механизации», разравнивал землю. Нижнюю часть дамбы обкладывали

Первые бараки, построенные в посёлке строящегося мясокомбината, март 1932 года

